

Виктор Чурило

Отчий родник

Виктор Чурило

ОТЧИЙ РОДНИК

Стихи, были, басни

Минск, 2003

Чурило В.

Отчий родник. Стихи, были, басни / В. М. Чурило 2003. — 96 с.

Виктор Чурило родился 21 марта 1935 года в деревне Пустоборы на Зельвенщине. Семья имела в частной собственности 5 га земли, потому еще в детстве познал крестьянский нелегкий труд. В июле 1943 года вместе с жителями деревни стоял перед фашистскими пулеметами и овчарками. Фашисты расстрел отменили, но семья Чурилов все годы оккупации находилась под постоянным страхом — старший брат Виктора бежал из фашистского концлагеря «Граево» и воевал против фашистов в партизанах.

В 1952 году после смерти отца зачислен в Калининград, где окончил школу ФЗО по специальности слесаря-сантехника; работал и учился в вечерней школе рабочей молодежи. Потом был призван в армию. В 1972 году окончил юрфак БГУ, был участковым инспектором, старшим следователем.

В. Чурило серьезно занялся поэзией, когда ушел на пенсию. Большой жизненный опыт как раз и является главной подпиткой творчества, и муза его не витает в облаках — живет среди сельчан, в родном краю, где и вырос поэт, откуда ушел в большую жизнь.

© Чурило В., 2003

© Художник Слинко-Сигова Д.

Судьба меня не баловала, но я стремился находить в суровой действительности маленькие радости и вдохновлял своей жизнедеятельностью окружающих меня друзей.

Стихи мои во многом автобиографичны — это маленькие истории того, что я наблюдал, прочувствовал, пережил — истории, разбавленные поэтическим вымыслом.

В. Чурило

СТИХИ

МЕЧТА

Я ждал любви безмерно жгучей,
до боли ласковой, сердечной,
неутомимой и могучей,
большой, как мир, и бесконечной.

Ты в жизнь мою ворвалась с шумом,
как летний дождь с грозой и градом,
неся отраду снам и думам —
и чувства нежные в награду.

Блестя молнией, твой взор
переливался алым светом.
Всему и всем наперекор
просил и требовал ответа.

Души смятенье одолев,
в порыве смелости былинной
я, разъяренный, будто лев,
пленен был прелестью невинной,

Подобна радуги цветистой,
ты напоила сердце негой...
Огонь любви твоей пречистой
горит в душе моей Венерой.

11. 2001

ПЕСНИ ЛЮБИМОЙ...

Под ветвистой грушею
на скамейке старенькой
я безмолвно слушаю
песни милой Вареньки.

Песни о калинушке,
лебединой верности,
ивушке, рябинушке
и душевной щедрости.

Льются песни нежные,
как родник спасительный,
как мечта безбрежная,
как огонь губительный.

Песни душу радуют
гармоничным голосом...
На колени падают
хлебородным колосом.

11. 2001

Я НАЙДУ ТЕБЯ!

Ой, дорожка-дороженька,
ты куда привела?

Подкосилися ноженьки,
но не видно села.

Где ж тот домик под липою
и герань на окне?²
Где тот берег над Сипою?²..*
Снится часто он мне.

Будто скатерть волшебная,
путь окутал туман
и водицей целебною
влился в душу обман.

Три дороги — три долюшки
да тропинка во ржи...
Неподкупное полюшко,
верный путь подскажи.

Или дальней дорогою,
или тропкой пойти,
чтоб судьбу свою строгую
в долю милой влести?²

Верю, солнце улыбкою
очарует туман...

---

* Сипа — речка на Зельвенщине.

Обниму я под липою
стройной девушки стан.

11. 2001

ЗАГАДКА ЛЕСА

Я видел яблоню в цвету
в лесном урочище Грабник,
Воспринял встречу, как мечту,
как чудодейственный родник.

Орешник тесным полукругом
к ней тянет ветки очень смело,
надеясь стать хорошим другом,
и зеленеть на фоне белом.

Защитник всех красавиц леса
ветвистый граб, познавший беды,
глядит на дикую принцессу
с восторгом доброго соседа.

Она ж, как знатная персона,
попав в семейство темнолицых,
в душе гордится белой кроной
и взглядов пристальных стыдится,

Я видел яблоневый сад,
достойный кисти Левитана.

Он изумил, как звездопад,
как радость сладкого обмана.

7. 2002

СУДЬБА

Ты не грезилась в радужном сне —
в сорок восемь узнал твой причал.
Не мечтала и ты обо мне,
когда я в твою дверь постучал.

Дверь открыла смущенная дама,
снять пальто предложила и сесть.
Только сватья скрывала упрямо
для обоих желанную весть.

Мы любезно усадились за стол.
я выслушивал сватьины речи:
— Ты без жenuшки — гол, как сокол.
Пусть тебе повезет в этот вечер...

Может быть, я влюбился не сразу,
но во мне все плясало и пело.
По негласному сердца приказу
меня страстно влекло твое тело.

Может быть, так угодно судьбе —
все сложилось без лишних прикрас:

в ту же ночь я стал мужем тебе...
Значит — Бог мою душеньку спас.

7. 3. 2002

* * *

Уж так судьба распорядилась —
мы не встречались под часами:
ты в душу ангелом вселилась
по договору с небесами.

Навек запомню зимний вечер —
все было просто, без излишек:
венчанье душ при первой встрече
и жизни радостной затишье.

Бывали ссоры и невзгоды,
непонимания, упреки...
Мы крепко сшиты от природы,
не разменяем жизнь на склоки.

8. 7. 2002

ДВЕ ВИШНИ

Вы в час цветенья ненаглядны —
отрада ярких майских дней!

С утра изысканно нарядны
в природной прелести своей.

Стояли вы, как два букета,
как две невесты под фатой, —
со вкусом, празднично одеты,
блистали райской красотой.

В туманном мареве купаясь,
росли вы, словно две сестрицы.
И ветер, в кронах заплетаясь,
шептал вам ночью небылицы.

Вы белизною крон кудрявых
влюбленных тешили в саду...
Вас, грациозно-величавых,
я вряд ли там уже найду.

9. 2001

* * *

Цветы — всегда желанный праздник,
восторг, подъем душевных сил.
И даже самый злой проказник
в ладу всегда с цветами был.

Цветы для нас — чтоб жили дружно,
и чтоб не предавали друга...

Как мало добрым людям нужно:
цветы и смех, плечо супруга!

9. 2001

* * *

Ольге С.

Ты круглых дат, как манны, ждешь.
И тянешь лямку, как лошадка.
Упорно к пенсии бредешь.
И проклинаешь недостатки.

Всегда чего-то не хватает.
И что-то больно сердце жжет...
Жизнь, как свеча святая, тает.
А сердце ласки, счастья ждет.

6. 2001

ПРИХОДИ...

Где ж ты, моя милая,
добрая и страстная,
нежная, ранимая,
зорька неугасная?

Под сиренью белую,
на траве-муравиле,

целовал несмело я
в снах тебя, красавица.

Твои губки сладкие,
жаждою горящие,
к поцелуям падкие,
грех свершить манящие.

Я сжимал без жалости
плечи твои белые...
От сердечной шалости
забывал, что делаю.

Сны какие странные...
Кто ж меня так мучает?
Приходи, желанная,
солнышком — не тучею.

12. 9. 2002

* * *

Булоховой Е.И.

Желаю я тебе сердечно
влюбиться в мужа до предела,
чтоб страсть любви горела вечно,
чтоб ты в объятьях мужа млела.

Поскольку дни рождения наши
есть плод родительской любви,
пусть жизнь твоя цветет все краше,
играя музыкой в крови.

5. 2001

* * *

Во саду за хатюю
рву цветы пахучие:
астру, розу с мятою...
По какому случаю?

Первое свидание
девушке назначено...
Милое создание
встречей озадачено.

Поспеш, красавица,
удели внимание,
ведь любовь рождается
с первого свидания.

Запахи цветочные
сердце растревожили...
Лепесточки сочные
все в букете ожили.

5. 2001

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Знаю, молодость вновь не вернется.
Много было и стрессов, и бед...
Надо мною бывшее смеется:
ворох промахов — дуля побед.

Бог здоровья мне вряд ли прибавит.
Не спасет меня солнце весны:
всех морщин на лице не расправит,
не согреет холодные сны.

Смех и юмор — аванс и зарплата,
скудной пенсии жалобный стон...
Я, мне кажется, очень богатый —
потому как в смешное влюблен!

3. 2001

ЖЕНЬКА

Вспоминать босоное детство
мне приятно и больно теперь:
рядом с жизнью в теснейшем соседстве
смерть ютится, как раненый зверь.

Отняла смерть родителей наших,
вместе с братом тебя унесла —

Много видевших, много познавших
даже вера в любовь не спасла.

Ты являешься часто во сне,
тянешь руки, пытаясь обнять,
наклоняясь все ближе ко мне,
словно боль мою хочешь унять.

Боль уже притупилась, не гложет...
Иногда я живу, как в бреду.
Когда смерть станет жизни дороже —
я к тебе без раздумий приду.

А пока — нахожу в себе силы,
чтоб любить и писать, и страдать.
Я твой облик застенчиво-милый
все пытаюсь в словах передать.

Родилась ты на маму похожей
гибким станом, чертами лица.
Если б мама вдруг стала моложе,
то сказали б, что — два близнеца.

Щечки нежные, цвета малины;
глазки — чистая синь василька;
стан — на зависть любой балерине,
а походка — полет мотылька.

Ты росла самой доброй и нежной
среди близких, подруг и знакомых.
И помощницей была прилежной,
управляясь охотно по дому.

Ты меня уводила в поля
за ромашкою и повеликой...
Белорусская наша земля
нам казалось, как небо, великой.

22. 9. 2002

ВЕТЕРАН

Прах его на погосте давно —
потерял я любимого брата.
Может быть, так судьбой суждено
или злая война виновата?

Ведь живут же еще ветераны,
что в сражениях жизнь отстояли,
Разве их не преследуют раны —
или ангелы смерть отогнали?

Может, знают они заговор
от болезней и прочих напастей?
Или смерти своей приговор
они вынесли.. Это в их власти!

Кто спаситель их: врач или маг?
Где здоровья они одолжили?
На парадах, печатая шаг,
они славой себя излечили.

5. 2001

ОГОРОД

Мой огород — четыре сотки...
Из всех — он крайний огород.
И крохоборам режет глотки —
никто спокойно не пройдет.

Ну, если б только бы глядели,
не закрывая жадный рот.
Так нет же — вовсе обалдели:
как козы, лезут в огород.

Ведь большинство из них имеют
такие же, примерно, дачи...
Они от зависти наглеют,
не получив за дерзость сдачи.

И рвут — что под руки попало,
ни страх, ни грех их не пугает.
Утробе жадной вечно мало —
предела сытость их не знает.

Ворам когда-то отрубали
не только пальцы — кисти рук,
и воры «ремесло» бросали
под страхом непосильных мук.

Что отрезвляет немца-вора —
душе славянской не понять...
И левая рука — опора,
и левой можно воровать!

5. 2001

СИЛА ВОЛИ

Когда здоровьице подводит —
возможны разные курьезы:
и ноги судорогою сводит,
и щеки омывают слезы.

Возможно кто-то усомнится —
на слово старику поверьте:
когда «зажало» поясницу,
то выпрямленье — хуже смерти.

Тогда не в чести огород,
не милы грабли, тяпка, вилы...
«Пусть все на поле пропадет —
берите... Покидают силы».

Казалось, наступил конец —
уснуть и больше не вставать...
Но сила воли — дивный спец:
способна мертвого поднять!

6. 2001

РОДИТЕЛИ

Мой отец в Пустоборах родился,
когда Речь Посполита цвела.
Вырос он и удачно женился,
вскоре сына жена родила.

Им досталось земли очень мало —
вся полосками, в разных местах.
Но работа азарт разжигала...
И светилась любовь на устах.

7. 2001

* * *

Нам не хватало пищи и одежды,
но мы на лучшее лелеяли надежды —
надежды на сухарь ржаного хлеба,
на страстную любовь и всемогущество неба.

Надеялись на точность предсказаний,
на молодость, на ум и силу знаний,

на доброту и мудрость власть держащих,
ушедших в прошлое и настоящих.

3. 2001

НАЛЕЙ-КА...

Налей-ка, Соня, белого вина —
и выпьем эту мы слезу до дна:
за дружбу, за любовь, за чистоту,
за человеческую боль и красоту.

Кто потерял здоровье или мать —
тому при жизни нечего терять.
Налей-ка, Соня, рюмочку полней —
мы выпьем за родных и за друзей.

Эх, Соня, Сонечка, забыли малость —
нам просто грех не вспомнить старость...
За старость мудрую поднимем чарки,
чтоб позабыть навек раздоры, сварки!

3. 2001

СТРАЖИ ЗДОРОВЬЯ

1

Вы в детстве искренне мечтали
лечить людей от всех болезней.

За многих маменьки решали,
что детям лучше и полезней.

Учеба в школе, песни, сказки,
поход в театр, балет, кино...
Не всем жизнь делает подсказки,
не всем жить долго суждено.

Отлично вы учились в школе
и в медучилищах блистали.
Лишь закаливши тело, волю,
врачам помощниками стали.

Встречали вы меня в больницах
и в поликлиниках — не раз! —
с улыбкой светлою на лицах
и добротой искристых глаз.

Сестричек руки все умеют
лечить, стирать и обнимать;
и приласкают, пожалеют —
способны боль души унять.

Изящны вы в любом наряде:
в халате, в платье и трико...
Когда огонь горит во взгляде —
всем окружающим легко.

Я исполнять вам серенады
готов и страстно петь романсы,
взамен не требуя награды
и приседаний в реверансе.

2

Кому не пела в детстве песен
с душевной теплотой мать —
наш мир тому угрюм и тесен,
тот не способен сострадать.

Ведь милосердие дается
не по рецепту, не в аптеках:
оно — от мам передается
в младую душу человека.

В больницах каждый день и час
простые сестры, как солдаты,
ведут борьбу за жизнь, за нас,
согласно с клятвой Гиппократ.

Вы столько видели страданий
на лицах бледных, романтических —
и не стеснялись рыданий:
их боль казалась болью личной.

Служить простому человеку
 решили сызмалу ребята.
 Чтоб излечить болезни века —
 познали дело Гиппократа,

Достичь вершин всегда не просто:
 успех сменяют неудачи.
 В ошибках жизненного роста
 таятся главные задачи.

Врачей я славлю умных, смелых,
 правдивых, вежливых и чутких,
 веселых, добрых и умелых —
 кто любит песни, шаржи, шутки,

«Здоровье — мудрых гонорар...» —
 мне Беранже открыл секрет.
 Но сохранить бесценный дар
 я не смогу на склоне лет.

9–12. 2001

ПУСТОБОРЫ

Деревенька моя, Пустоборы, —
 колыбель василькового детства,

накопитель семейного горя,
что досталось и мне, как наследство.

Здесь, в замшелой от возраста хате,
я четвертым ребенком родился,
клял поклоны Христову распятью
и молитвам у деда учился.

Дед Антон был большой грамотей,
крепче жизни любил своих внуков,
был примером для взрослых детей —
их опорой во всем и порукой.

Он рассказывал много преданий,
мудрых сказок, былин и стихов.
Дед был магом всех детских желаний
и хранителем детских «грехов».

Здесь отец мастерил мне игрушки,
здесь мне мать колыбельную пела...
Здесь под кроною Юрковой грушки
ожидал я с родными расстрела.

Отменили фашисты расстрел, —
может, нам посочувствовал Бог?
Я в упор на фашистов смотрел...
И забыть этот ужас не смог.

Я всех граждан по имени знал,
знал по кличке любую собаку.
Здесь учился, мечтал и дерзал
и бросался с мальчишками в драку.

Ненавидя жестоких мальчишек,
не боялся бессмысленной драки.
Укрощая эмоций излишек,
я справлялся с любым забиякой.

Я прошел босиком все поля
и леса, что село окружают...
Укрепляла мне силы земля
оптимизмом, как хлебом, снабжая.

Сказки деда и мамины песни,
да отцовское мудрое слово
открывали мне мир интересный —
восхитительный, радостный, новый.

15. 11. 2002

СТАНУ, КЕМ ХОЧЕШЬ...

Я не маг и пока — не волшебник,
но я стану, кем хочешь, поверь.

Я ведь — сеятель, жнец и затейник —
открываю в поэзию дверь.

Если можешь — прости, дорогая,
что дарил тебе редко цветы.
Вот — дарю тебе солнышко мая,
будет греть тебя с высоты.

Я дарю тебе радугу счастья,
в ней — цветов самый полный букет,
чтоб кипели любовные страсти,
удивляя нас множество лет.

Я дарю тебе светлые росы,
одолжив их у алой зари.
Пусть, как жемчуг, блестят твои косы,
лишь меня ни за что не кори.

21. 11. 2002

* * *

Ты прижмись своей грудью упругой,
чтоб дыханию — некуда деться...
Чтоб запели любовные вьюги
в каждой жилке и страждущем сердце.

Расцелую тебя, как икону
провинившийся грешник целует,

представляя, что Бог из амвона
рай ему за молитву дарует.

Улетучились в бездну все беды,
на душе — благодать и покой...
Я всю страсть не испил, лишь отведал,
но почувствовал рай не земной.

30. 10. 2002

ШУТКА

Не хандри, родная, не хандри —
старости до нас какое дело?
Слезы непослушные утри...
Может быть, с утра смешинку б съела?

Ведь смешинка — Божья благодать:
проглотил — и кровь играет в жилах!
Нет, угрюмым это — не понять,
если радость жизни им постыла.

Шестдесят, конечно, — не семнадцать:
чем еще нас можно удивить?
Мы над жизнью можем посмеяться —
и Господь поймет все и простит.

Чертовы болезни — птахи черта,
чтоб ему всегда кипеть в смоле!..

Старость не боится даже спорта,
хоть и сала вдоволь на столе!

7. 3. 2001

ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ

Я в детстве дождь любил, как сон,
и, брюки зачуп повыше,
по лужам молотил, как слон,
чтоб брызги доставали крыши.

Несусь я по зеркальным лужам,
сердечко екает в груди —
со мною свежий ветер дружен
и солнце с завистью глядит.

Меня ловила в луже мама,
леща давала вдоль спины...
Я в лужу снова лез упрямо,
совсем не чувствуя вины.

Азарт познания и сила,
что бушевала в теле гибком,
звала, дразнила и манила
творить все новые «ошибки».

11. 10. 2002

ПЕВЕЦ

Чтобы хлеб уважать на столе,
нужно рожь научиться растить,
поклоняться, как Богу, земле,
как ребенка лелеять, любить.

Мне любовь к благодатному полю
в раннем детстве отец прививал.
Белорусской природы раздолье
жаворонок весной воспевал.

Я ложился на землю спиной
и смотрел, как летит по спирали,
наслаждаясь теплом и весной,
жаворонок в небесные дали.

Поднимаясь все выше и выше,
пропадая из вида на миг,
словно строки к мелодии пишет
и, как бард, обнародует их.

Зависая, как сокол, над нивой,
возносил и меня в небеса...
Петь, как он, может только счастливый,
своей песней творя чудеса.

Это — гимн белорусской природе,
трудолюбию пахаря в поле,
необъятной, как море, свободе,
вездесущему солнцу и воле.

3. 12. 2002

НА ТИХОЙ ОХОТЕ

Незабывная бабушка Вера —
самый знатный в деревне грибник.
Она яркой звездой Венерой
освящала осенний Грабник.

Бабка с детства росла на природе,
и слыла педагогом — от Бога;
постоянно в лесу, в огороде
разъясняла мне все понемногу.

Все названия каждой травинки
всех даров огорода и леса
подносила мне в виде новинки,
чтоб вникал я в их суть с интересом.

Приходили мы в лес, как на праздник,
где дарами стол щедро накрыт:
впереди — я, шутник и проказник,
сзади — бабушка, как следопыт.

И она, словно мудрая львица,
еле слышно листвою шурша,
выгибая дугой поясницу,
приближалась к грибам, чуть дыша.

Объясняла доступно и ясно
главный признак съедобных грибов,
почему брать поганки опасно,
если хочешь быть жив и здоров.

Лишь потом, с видом доброй хозяйки,
белый груздь осторожно срезала
и с азартом упрямой незнайки
свежий срез, как конфетку, лизала.

Я был рад каждой красненькой шапке.
И коричневой — тоже был рад.
Направлялся с находкою к бабке,
будто воин на первый парад.

5. 12. 2002

К ЛЮБИМОЙ

Ты испей благодатный родник,
что ключом в моем сердце бурлит;
вместе с лаской он в сердце проник —
только он наши души роднит.

Пей без жадности, будто нектар —
светел он и всегда быстротечен.
Это предков наследственный дар,
потому он, как мир, бесконечен.

Пей с умом, как бальзам от недуга,
дегустируя каждую пробу;
пей, влюбленного сердца подруга,
укращая обиду и злобу.

Я открылся тебе весь — до дна,
и дышу я любовью безмерной...
Мне изюминка счастья видна
в твоей милой улыбке и верной.

24. 11.2002

* * *

Обниму до хруста гибкий стан,
окунусь в любви святой обман.
Зацелую губки, не стыдись:
для тебя я нынче — нежный князь.

Для любви преграды — лишь азарт.
Веселит мне сердце томный март.
Пусть припухнут губки — не беда.
ведь любовь не празднует стыда.

Пусть горит лицо, как маков цвет,
для меня запретов больше нет.
Помешать не в силах даже Бог —
он убрал на миг стыда порог.

Пойте, птицы, радуясь за нас, —
не смущает ваш пытливый глаз...
Расскажите, птицы, всем ветрам,
что любовь минует ложный срам.

29. 10. 2002

* * *

С дня крещения я — победитель, —
так решили отец мой и мать.
Но злой рок и мой ангел-хранитель
в жизни их не смогли поддержать.

Я носил свое имя достойно,
о победах больших не мечтал;
подбирался к вершинам спокойно,
оступившись, на жизнь не роптал.

Может, мать и отец виноваты,
окрестив меня именем знатным?...
Не воздвиг я потомкам палаты,
не срубил даже собственной хаты.

Осуждать свою жизнь я не стану,
и судьбу я свою не корю.
С неба звезд я теперь не достану
потому, что я звезд не дарю.

Пусть мерцают и светят влюбленным,
и приносят им счастье и лад...
Я, войной и судьбой опаленный,
своим новым свершениям рад.

10. 12.2002

БЫЛИ

БРИН

Вступление

Перед первой войной мировой —
лет за восемь до памятной даты —
белый аист, кружа над стрехой,
приподнес белый сверток Игнату.

Аист, выполнив волю небес,
улетел вновь влюбленных искать.
А Игнат, проявив интерес,
стал дитя второпях пеленать.

Пусть читатель в душе улыбнется,
упрекая в наивности деда:
он до истины сам доберется,
продолжая со мною беседу.

В деревеньках в ту пору, не зная
о роддомах, больницах, аптеках,
интересные сказки слагали
о явлении в мир человека.

Тайна родов была под секретом
для детишек по ряду причин:
повитухи молчали об этом,
отвергая причастность мужчин.

Много радости было и слез,
улыбалась и плакала мать,
с муженьком обсуждая вопрос,
каким именем сына назвать,

Окрестили сынишку — Володей,
как властителя мира всего,
как мечту о желанной свободе,
как надежду на счастье его.

У Игната семья прибавлялась:
народились Елена и Юлий,
Валентиной детва закруглялась —
всем на радость заполненный улей.

Мой герой в Пустоборах родился,
в малой хатке — вблизи Грабника.
Он речушкою Силой гордился,
что начало берет с родника.

Юность

Рос наш юноша, сил набирался.
Закалял свое тело трудом.
Подражать самым сильным старался,
восхваляя отеческий дом.

Увлекаясь работой любовью,
ни себя, ни друзей не щадил —

в каждый омут влезал с головою,
и сухим, как всегда, выходил.

Но любил он на силу бороться —
без подножек и ложных захватов.
И с азартом на круг у колодца
выходил, как и прадед когда-то.

Обнимались борцы, словно змеи,
и, сжимая друг друга до хрусту,
наслаждались веселой затеей:
их движенья — подобны искусству.

Нарушавшему правило предков,
доставалась пощечина-чудо:
«Принимай золотую монетку
и сбегай побыстрее отсюда!

Нет силенок — сиди и смотри,
и учись за сильнейших болеть...
Что ж, кровавые сопли утри:
знай — проигрывать надо уметь».

Иногда даже ссоры случались,
если судьбы теряли контроль:
неудачники в драки бросались,
чтоб загладить обиду и боль.

Если б даже с увесистым дрынном
драчуны на Володю поперли,
не смогли бы управиться с Брином...
Жил он прозвищем — имя затерли.

Драчунов усмиряли гурьбою,
уводили домой пострадавших.
Но игре не давали отбоя —
приглашали на круг не игравших.

— Кто же Брина по-братски обнимет
и положит, как снопик ржаной?..

— Богородица в рай того примет,
наградив синеокой женой! —

Восклицали крестьяне седые,
чтобы внуков своих ободрить:
— Чем прославят себя молодые?
— Чем способны народ удивить?

Смельчаков находилось немало
враз партнера, как сноп, повалить.
Но уменья и сил не хватало,
чтобы Брина-Володю сломить.

Поражения он не изведal
ни в борьбе, ни в разборках без правил.

Нелегко доставались победы,
и родных он пока не прославил.

Лесники, тиуны, сторожа
называли Володю злодеем.
От животного страха дрожа,
проклинали его, холодея.

Яблочный спас

Как обычно, на яблочный Спас
Брин к Полховскому в сад приходил.
Он бечевку носил про запас —
потому сторожей не будил.

Набирал в сумки яблок и груш
самых спелых и лучших сортов...
А Левицкий вертелся, как уж,
возлежа на земле животом.

Пробудившись от сна, как солдат,
Брин со скарбом на улицу вышел:
— Выбегайте из хат стар и млад —
Бог желания ваши услышал!

В Купальскую ночь

Мне известна легенда простая,
как Купальскою ночью святой

облетела всех весть не пустая,
и нарушила панский покой.

Молодежь веселилась и пела,
жгла костры и панов проклинала.
Разъярясь, толпа свирепела —
нетерпливцы желали скандала.

Пан Полховский к пруду поспешил —
захотел убедиться воочию,
кто с холопов-ублюдков решил
утопить его праздною ночью.

Всемогущему лодку пригнали:
пан уселся, как доблестный князь...
Покачнулся — и тут же едва ли
не упал в прибережную грязь.

Всемогущий затрясся от злобы —
слуг своих он корил и ругал:
мол, оставили, черти-утробы...
И сознание он вдруг потерял.

Слуги пана из лодки достали
и в покои фольварка снесли.
Доктора его вмиг откачали
и спиртяги стакан поднесли.

А назавтра — с парнями и Брина
полицаи доставили в гмину.
Вел допрос подхорунжий — скотина...
Шомпола погуляли по спинах.

Пару дней подержали безусых,
а затем — распустили по хатам,
чтобы помнили все белорусы:
только слабый — всегда виноватый.

Охотники

Мой отец был хороший работник —
мастерил он телеги, клал печи,
жил в нем пахарь и смелый охотник...
А охота — всегда душу лечит.

Да, охота — как в поле страда.
В панский лес не полезешь один —
были с ним: Михаил Голенда
и Полхович — по прозвищу Брин.

Увлеченные лесом, ребята
изучали повадки зверей.
Не пугали их грома раскаты,
ни лесник и ни пан-лиходей.

Они вместе «копали» лисиц,
барсуков доставали из нор,

глухарей не гнушались, куниц,
несмотря на запрет и надзор.

Подготовив оружие к бою,
лесники на облаву пошли —
всех собак прихватили с собою...
Но в лесу никого не нашли.

Год облавы в лесу продолжались —
поднята была панская рать...
Михаил и Максим отказались
в злые шутки со смертью играть.

Засада

Брин с рассветом отправился в лес,
одолея речку Сипу, играя, —
будто сзади подталкивал бес,
убегать от друзей помогая.

Лугом шел он по узкой тропинке —
на пригорок взошел, как на трон,
и увидел свой лес в серой дымке,
на сосенке дремавших ворон.

Золотились верхушки берез,
лист осин краснотой отливал...

На душе было мрачно — до слез,
ветер грустную весть напевал.

Лес шумел. Тучи черные плыли.
Дождь — как черт, опрокинул ведро...
Грянул выстрел... «По мне?.. Не убили...»
Брин почувствовал: ранен в бедро.

А на поле картофель копали
подневольные Кундича-пана.
Они издали Брина узнали,
почему-то хромавшего странно.

За ним гнались, крича и стреляя,
лесники, ошалев от погони.
И вдруг — Кундич, друзей обгоняя,
сделал выстрел, как опытный воин.

Брин упал, в свою гибель не веря...
Не стрелял он в двуногого зверя —
понадеялся: пан пощадит,
но ошибся... За что и убит.

6. 2001

ЕВДОКИЯ

* * *

Софии славлю я отца —
главу семьи, защиту рода,
добытчика и мудреца,
любителя живой природы.

Отец Петрок был добрый плотник,
в округе — первый лесовод.
И, как прославленный охотник,
отлично знал он свой обход.

Срубил он дом собственноручно:
помощники — топор с пилою;
за ним смекалка неразлучно
шагала с силой удалюю.

В войну он лихо партизанил —
с врагом сражался до победы,
чтоб шваб нам землю не поганил,
и чтоб не упрекали деды.

* * *

Судьба Дуняшина трагична
от сватовства — до дня кончины...

По всем канонам не логична,
но трудно в том найти причину.

Петрок другую деву сватал,
да получил отказ обидный...
Обиды ком в душе запрятав,
к Дуняше он пошел постыдно.

Дуняша Корень, скажем честно,
красой лица не выделялась,
но добротой была известна —
призывным смехом заливалась.

Душой и станом — хороша;
умом светла и прямодушна.
Ее беспечная душа
за женихом пошла послушно.

Была ль она любима мужем
и полюбила ли сама?
Такой анализ был бы нужен,
чтоб не безвыходность одна.

Ведь наши матери когда-то
в любовь с судьбою не играли,
а шли за тем, кто их сосватал...
Сынов и дочерей рожали.

Двоих детей родить успела...
Жизнь исколечила война —
туберкулезом заболела...
Кому теперь она нужна?!.

«Какими леками лечиться?
Как муженька не отвернуть?..
К шептуньям-ведьмам обратиться?
А может, вечным сном уснуть?»

Страдала, думала-гадала —
совсем не радостная весть...
Ведь корень — крепости начало,
ему сродни лишь род и честь.

Сейчас бы ей — хоть коновала,
хоть — фельдшерицу древних лет...
Но лекарей война забрала —
в округе их поблизу нет.

Остались знахарки, шептуньи...
Надежда — на отца и мать.
Ей предсказали бабки-вруньи:
терпеть, на Бога уповать.

Чтоб не гноилась в легких рана,
чтоб муж жену не смог забыть, —

молилась Богу безустанно —
просила деткам жизнь продлить.

Болезнь крутила и ломала —
огонь горел в ее груди...
Крестилась, Бога умоляла:
«О, счастье-счастейко, приди!»

Лечилась травами немного,
ждала кончины каждый час.
Надеялась на волю Бога,
пока луч жизни не угас.

И Евдокию схоронили...
И нет ее, простой, но милой.
Похоже, все ее забыли —
никто не плачет над могилой.

— Твой прах — в земле, душа — на небе,
а кто ж детей твоих взрастит?
Кто позаботится о хлебе?
Кто их накажет и простит?

— Отец живой и тетя Даша —
мой род «рудацкий», коренной, —
бабуся Марфа, гордость наша,
помогут поросли родной.

Но я надеюсь и на мужа —
пусть он воюет до победы.
Он нашим деткам очень нужен,
да не постигнут его беды.

Господь спасет от пуль его,
и он заменит детям мать.
По воле сердца моего —
он все обязан им отдать.

И он отдаст, я знаю твердо,
когда войне придет конец.
Вернулся бы, родной и гордый,
кормилец ихний и отец.

Он детям новый дом построит —
на зависть недругам моим.
Мне душу, сердце успокоит,
как шестикрылый серафим.

Благославлять буду я рада
на брак отца моих детей:
когда во благо детям надо —
что может быть еще простей?!.

Так рассуждала мать Дуняша,
сама с собою страстно споря...

Удар войны — отравы чаша:
шальная весть о новом горе.

— Несчастье снова в твоей хате...
Прости за весть эту, прости:
сын подорвался на гранате
и не смогли его спасти.

Осталась дочь — совсем ребенок,
ромашки беленькой — цветок:
четыре года от пеленок...
Неумолим жестокий рок.

23. 5. 2001—2002

ЛИДИЯ

Мать с отцом отстрадали свой век,
брат с сестрой почивают в раю...
Для тебя, мой родной человек,
свою грустную песню пою.

Я пою тебе песню-балладу,
акцентируя главные вехи,
отметая все ссоры, разлады,
прославляя добро и успехи.

Родилась и росла ты в неволе —
во владении польских магнатов;
познавала азы в польской школе,
удивляя сестричку и брата.

Избавления ждали с востока —
от российских солдат и народа.
В битве армий упорной, жестокой,
Беларусь получила свободу.

Получили крестьяне наделы
той земли, что топтали паны —
вся деревня от радости пела
песни счастья, любви и весны.

Ликовал больше года народ,
выпил бочку вина не одну...
Безрассудный фашистский урод
навязал мировую войну.

Кровожадный немецкий солдат
сеял смерть на земле Беларуси...
Был в Германию угнан твой брат,
но в концлагере выжил, не струсил.

Он бежал из фашистской неволи...
Получил пять ранений в бою,
добывая свободу и волю,
защищая Отчизну свою.

Партизанской семье в час войны
оставалось лишь право на смерть...
Белорусы всех благ лишены,
но не всем суждено умереть.

Проболевши чесоткой и тифом,
страх войны победивши в себе,
поплыла ты по мелям и рифам,
улыбаясь угрюмой судьбе.

На твою бесподобную долю
навалилась работа мужская.

Ты ходила за плугом по полю,
боль и горе, как гири, таская.

Больше сотни гектаров пшеницы,
ржи, гречихи, овса, ячменя
были сжаты серпом юной жницы,
обуздавшей свой рок, как коня.

Наливаясь крестьянской силой,
и народную мудрость изведав,
ты решила с конем до магилы
покорять все вершины и беды.

Власть Советов сплотила народы:
белорусов, паляков, татар...
Воздух братства, любви и свободы
излучал жизнотворный нектар.

Появились комбайны на поле,
трактора заменили коней.
Наслаждаясь свободой и волей,
люди стали дружней и родней.

Повстречала ты парня Ивана,
народила здоровых детей.
И трудилась всю жизнь неустанно,
с хлебом-солью встречая гостей.

Ты женила своих сыновей.
Вышла замуж любимая дочь.
Песню счастья им пел соловей,
чтоб невзгоды в пути превозмочь.

Сколько скошено, вспахано, сжато
на колхозных лугах и полях,
но под старость приходит расплата —
боли в сердце, руках и ногах.

Жизнь и смерть продолжают борьбу.
Прилипают болезни, как мед.
Их не сдуешь в печную трубу,
не растопишь, как воск или лед.

Твое сердце страдало за всех:
за сестрицу, за маму и брата...
Твой главнейший по жизни успех —
смехом внуков звенит твоя хата.

26. 2. 2002

СКАЗКА

БЕРЕЗКИНА ТАЙНА

Автор

Никогда не служил я лесничим,
не бродил по лесам, как лесник.
Увлекался я пением птичьим.
В жизнь деревьев, как в сказку, проник.
Слушал я, как беседуют клены,
как березы бранятся на них...
Все понятно, когда ты влюбленный —
нет для сердца страданий земных.

Пас коров я когда-то — три года —
по полянам лесным каждый день.
Пас бесменно в любую погоду.
В зной скрывался в березкину тень.
Задержался вот так на поляне —
за березкою стал наблюдать...
И подслушал березкины тайны,
о которых спешу рассказать.

Березка

С той поры пролетело лет сто —
тогда солнце не многим светило...
Прозвевало в лесах колдовство
и людей в мир иной уносило.

Сколько было в болотах чертей!
Водяные — в прудах и озерах;
на их «совести» — уйма смертей.
Леший числился так же в призерах.
Под покровом столетних елин,
где крапива и та не растет,
проживал тот лесной властелин,
вел деревьев стражайший учет.

Автор

Этот лес захватил пан Дубовский,
каждый ствол он прощупал, учел.
Только с Лешим общался по-свойски,
остальные ему — нипочем.
Белорусская наша земля —
все озера, луга и болота,
все лесные уголья, поля
находились в руках идиота...

Так Дубовского звали холопы
подневольных ему деревень.
Он считал себя пупом Европы,
хоть умишко и был набекрень.
Разъезжал он в роскошной карете,
запряженную тройкой коней.
Укрепился, подлец, на столетья,
и гордился усадьбой своей.

За каретой на конях буланых
мчалась панской персоны охрана —
тиуны, полупанки, уланы
защищали все сильного пана.
Когда пан появлялся в деревне —
пан-староста вельможу встречал.
Он крестьянам кричал: «На колени!»
И поднос с хлебом-солью вручал.

Пан был падок до девок, как муха,
что учуяла мед на столе.
И однажды приметил, псяюха,
трех девиц в самом бедном селе.
Был приказ, чтоб доставить девиц
прямо в спальню вельможной особы,
будто тройку лихих кобылиц,
будто вещи беспутного сноба.

Березка

Пан частенько в село приезжал —
знал он девушек всех, до одной...
Жеребцом необузданным ржал,
упиваясь красой молодой.
Когда мчался Дубровский в село —
я укрылась в картофельной яме
и молилась: хотя б пронесло,
зная, — розги достанутся маме.

Шура с Феней согласие дали
всемогущему пану служить —
оставляли родных без печали:
захотелось в хоромах пожить.
Убедившись, что нет меня в хате,
пан-староста ударил отца...
Говорил о кровавой расплате —
угрожал, что повесит глупца.

Мать нашла меня, плачущей в яме,
повелела укрыться в лесу.
Я ответила ласковой маме,
что Степану обед отнесу.
Отыскала на поле Степана,
рассказала о страшной беде...
Он не стал ждать поблажек от пана —
плуг оставил в сырой борозде.

Посадил он меня на кобылу.
сам устроился подле меня —
безотказная конская сила
в темный лес унесла от «огня».
Лошадь мы отпустили на волю
и остались в лесу ночевать...
Вот такая крестьянская доля —
ни за что надо вечно страдать.

Автор

За невыход сушить сенокосы,
за сбор ягод, потраву полей —
пан выдергивал женщинам косы,
свирепея от злобы своей.
Недоимка косила крестьян,
отнимала здоровье навек...
А Дубровский был жадностью пьян,
избивал, чтоб угас человек.

Березка

Жили тихо в лесу под сосной,
но затем взбунтовался Степан:
«Я — не вор, не разбойник лесной...
Почему издевается пан?»
Нужно выследить мне лесника
и ружьишко его бы отнять:
до сосны привязать стервяка,
чтоб не смог на мой план повляять.

Пана я застрелю, как зверюгу,
до локтей его руки в крови:
смерть придется ему по заслугам —
все во имя великой любви!»
Не свершились планы Степана...

Что ж, и бедным не грех помечтать.
У Дубовского — власть и охрана.
и Степану его не достать.

Ненавидя Дубовского-пана,
потому убежали в Грабник...
Отдала свое сердце Степану,
он навек в мою душу проник.
С ним мечтаю в церкви обвенчаться,
нородить сыновей, дочерей...
Нам пришлось в чаще леса скрываться,
убежав от двуногих зверей.

Автор

Боль души изливала береза,
обращаясь к подружке осине.

Осина

Ты утри свои горькие слезы —
лучше думай о будущем сыне.
Не грусти — хорошо здесь весною:
ты владеешь живительным соком.
Поделись своей скорбью с сосною,
что стоит среди нас одиноко.
Твои ветви все тянутся к клену —
возбуди в нем живой интерес...

И порадует ветер влюбленный
и меня, и тебя, и весь лес.

Посмотри, как высок он и строен,
этот клен — совершенство природы!
Даже в бурю он бодр и спокоен —
ни по чем ему страх непогоды.
Если мыслишь о ласках при встрече —
ветру чувства свои поручи.
Он душевную травму излечит,
подберет к сердцу друга ключи.

Березка

Этот клен был когда-то Степаном,
а меня называли Агатой...
Мы сбежали от выродка-пана, —
он взбесился от этой утраты.
Будь он проклят, антихрист поганый:
пусть обнимет его карачун!
Превратил нас в деревья колдун
по приказу взбалмошного пана.

Свои чувства открыть я готова —
и готова любить, как Джульетта...
Мне б услышать от клена хоть слово —
буду ветер просить до рассвета.

«Ветер ласковый, добрый, могучий,
ты развей в моем сердце печаль,
разгони беспросветные тучи,
унеся их в незримую даль.

Расчеши мне зеленые кудри,
клену — низкий поклон передай...
Как властитель высокий и мудрый,
увлечение душ разгадай.
Разгадав душ невинных влечение,
заплети наши ветви в кольцо,
чтоб любимый пришел в восхищенье,
заглянувши влюбленной в лицо.

Сосна

Прокатилась лесная молва,
что наш пан изнывает во злобе:
он решил нас срубить на дрова
ради мести какой-то зазнобе.
Отказала девица вельможе —
убежала куда-то из хаты.
И теперь, вылезая из кожи,
пан потребовал строгой расплаты.

Автор

Задушевные просьбы березы,
всех деревьев лесных, придорожных,

их столетние стоны и слезы
докатались до ветров таежных.
Закрутил ураган на востоке,
взбунтовав всю Великую Русь...
Южный ветер притих у истоков,
чтоб циклоном покрыть Беларусь.

Вездесущий, желанный, могучий,
ветер вымел из леса всех леших —
смел жолнеров и конных, и пеших,
разогнав в небе темные тучи.
Сплел березкину ветку с кленовой,
он усилил любви порыв,
обнадежил их долею новой,
жизни новой границы открыв.

Одолжил он у сказки советской
двух волшебников, добрых и смелых,
чтоб они колдунов старосветских
превзошли в этом праведном деле.
Я готов поручиться за них,
потому как познал их обличье.
Знал, что каждый способен за миг —
превратить, воссоздать, возвеличить...

Канонадой незримого фронта
загудела земля и весь лес.

Освещая всю ширь горизонта,
улыбнулась заря из небес.
Сколько времени шло превращение —
я не знаю волшебных идей...
Одолев темных сил возмущение,
деревца превратились в людей.

На березкином месте — Агата
в повседневной крестьянской одежде.
Взглядом манит Степана «у сваты»,
предаваясь любви и надежде.
Волшебство не имеет границ,
если служит на благо народа...
Перед ним я не падаю ниц —
мне во всем помогает свобода.

Разлученный с любимой Агатой
колдовства изуверскою силой,
стал Степан, как клинок из булата,
но поник перед чарами милой.
Целовала Агата Степана,
был доволен влюбленными ветер.
Возгордился сынок урагана,
что и он за их судьбы в ответе.

Успокоились сосны и ели —
не смотрели уж так удивленно,

что владения их поредели...
Нехватало березки и клена.
А Степан вместе с любой Агатой
поклонились земельке и лесу —
их заждались родные и хаты,
и дающие жизнь интересы.

Их встречали веселые люди
с благородной улыбкой на лицах —
нрав веселый беда не остудит...
Ну, а панщина — в снах только снится.
Разделили зерно для посева
меж собою крестьяне по-братски —
новой жизни рождались запевы,
но мешал только статус бедняцкий.

Пригласили ученых людей
из больших городов Беларуси, —
кто во имя великих идей
теплый город оставить не струсил.
Открывались ФАПы, больницы,
для детишек-дошкольников — ясли,
чтоб сбывались мечты-небылицы,
и волшебные сказки не гасли.

Для Степана построили хату
и покрыли отборной соломой,

чтобы счастливо жил он с Агатой —
всем на зависть: родным и знакомым.
Дед Степана — столяр-самоучка
стол и шкаф смастерил для посуды,
табуретки и лавки... Для внука
гусли вымудрил — самогуды.

Если радость встречается с горем —
неуместно безбожно смеяться.
И влюбленных пронзили укором —
их в церкву не пустили венчаться.
Будто молния, весть полетела:
на селе — комсомольская свадьба!..
Вся деревня плясала и пела...
Во хмелю — поцелуи, объятья.

Я ведь тоже на свадьбе той был
и заздравную чашу испил.

3. 10. 2002

БАСНИ

ШМЕЛЬ, ЖУК И КУРОПАТКА

На даче дедушки Максима
цетет картофель белым цветом.
К картофелю весной и летом
любовь жука — не объяснима.

Июньским утром шмель игривый
присел на лакомый цветок,
направил в пестик хоботок —
увидел вдруг: жучок паршивый
сел на картофельный листок.

Шмель был рассержен беспредельно,
спросил жука членораздельно:
— Ты из какой страны ходок,
подобно зебре полосатой,
угрюмый, наглый и усатый?..
Поведай, приоткрой роток!

— В богатом штате Колорадо
живут наследники по виду.
Шмели не чинят им обиды—
потомству их безмерно рады.

— Откуда путь тебе знаком
на дачу дедушки Максима?

Ведь по соседству — Хиросима,
и меньше лету прямиком...

— Лет пятьдесят тому назад
по воле боссов Пентагона
нас без существенных препонов
рассеял летчик невпопад...

Так появился я на даче
без всякой радости сердечной.

Готов остаться здесь навечно,
но кто-то думает иначе?

— Я знаю все твои проделки!
Хотя ты утвердился прочно,
твое присутствие — порочно:
ты причинил ущерб не мелкий.

На край картофельной гряды
спустилась куропаток стая,
в рядах картофеля растаяв,
найдя вредителя следы...

В момент прямого диалога
одна из серых забияк
жука склевала только так,
не став искать на то предлога.

— Ты почему жука склевала,
не зная степени вины?

Мне самосуды не нужны,
как не нужны стране скандалы! —
шмель обращался к куропатке,
чтоб уяснить ее вину
за смерть жука — и не одну —
установить свои порядки.

— Вредитель не имеет права
спокойно жить среди насекомых,
среди неизвестных и знакомых...
Он для картофеля — отрава, —
ответ был строгий куропатки:
она клевала без оглядки
жуков, идя себе вдоль грядки.

— Виновность каждого субъекта
лишь только суд определяет:
все «за» и «против» уточняет
для достижения эффекта.
Чтоб соблюдался наш закон,
шло состязания сторон:
подсчитан правильно урон —
и приговор, как грома звон!

— Но сей вредитель — моя пища,
и я — чиста перед законом...

Я стану судьям бить поклоны,
когда вареный рак просвищет! —
Так куропатка отвечала
шмелю на правильный упрек,
чтоб сделал для себя урок,
не путая итог с началом.

2. 11. 2002

ПЕТУХ, КУРЫ И СВИНЬЯ

Крестьянский двор хозяйки Жени
покрыт весеннею травой.
Здесь кроны груш над головой —
типичный двор большой деревни.

«Горем» из двадцати курей
петух Петруша охраняет.
Он сам отлично понимает,
что всех и краше, и мудрей.

Здесь все имеют свежий корм:
ячмень и воду, витамины,
песок, древесный уголь, глину,
картофель, смешанный с мукой,
хозяйки нежною рукой.

купаются в песочке куры,
играют с петухом в амуры.

Здесь все любимы, все равны,
как и все люди той страны,
где свято чтут закон и право,
где все стоят за мощь державы.
Почистив хлев сви́ньи Хрюкжормы,
хозяйка вымыла корыто.
Оставив дверь в хлеву открытой,
ушла в кладовую за кормом.

Сви́нья — прожорливая тварь,
не стала ждать хозяйку с дома:
во двор дорога ей знакома —
рванула, словно на пожар,
поддев куриную кормушку.
О, были бы у хрюшки роги —
она б поставила на ноги
всех домочадцев в миг один:
сожрала б запросто Петрушку,
но этот бестия — умен:
и сам сбежал, и кур увел, —
не шалопай он, не кретин.

Когда Хрюкжорма стала рыть
ковер зеленой муравы,
не поднимая головы.
Петух попробовал корить:

— Ты что творишь, мешок навозный?
Во что ты превращаешь двор?!
Расчет с тобою будет скор —
не испугает вид твой грозный!
Свинье упреки — нипочем.
Она орудует лычом.
Чтоб прекратить «набег Мамаю»,
петух взлетел свинье на спину.
Позвал куриную дружину,
запел, хозяйку вызывая:
— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Подайте мечь! Я отсеку
свинье беспутной лыч и уши —
тогда, возможно, станет слушать
советы мудрого Петруши.
Расправив крылья для баланса,
чтоб не упасть от реверанса,
Петруша клюнул хрюху в шею,
потом — еще для устрашенья.
Оставив вредную затею,
свинья, как вихрь, без промедленья,
погром закончить не успев,
позорно убежала в хлев.

Повсюду есть свои уроды —
рвачи, завистники, подлизы...
Свинья не сделает погоды:
изветны всем ее сюрпризы.

11. 9. 2002

СКВОРЕЦ И ГОЛУБЬ

Чтоб разрешить вопрос извечный,
почтенный Голубь утром майским
взлетел над маленькой скворечней,
решив мечты придать огласке.

— Я — птица мира, птица счастья!
Об этом знают все народы...
А потому — вершина власти
навек дана мне от природы.
Орел твердит, что он — царь-птица.
Что ж, пусть и правит в облаках!
Вблизи земли — моя граница,
ключ от нее в моих руках!
Я наделен верховной властью,
и птиц судить — мой долг и право;
качать и миловать со страстью,
согласно совести и права!

Скворец, послушав хвастуна,
сказал спокойно, не сердито:
— Твоя концепция ясна...
Но где же истина зарыта?
Творец создал тебя красивым,
не наделив большим умом.
С твоим характером спесивым
нельзя построить птичий дом.

Вглядись внимательнее в небо,
увидишь стаи мирных птиц...
Клюя с асфальта крошки хлеба,
забудь о крепости границ.
Чтоб управлять пернатым братством,
необходим талант борца,
сердечной мудрости богатство,
любовь и мужество бойца.
Ты даже среди курей не воин —
нахлебник ты, как воробей,
и птиц судить ты не достоин.
Уйми свой пыл, живи скромней.

5. 2002

КОРОВА И КОБЫЛА

Крестьянин Влас — мужчина мудрый;
атлет, красавец светлокудрый.
Когда на пенсию ушел,
себя он в бизнесе нашел.
Продав колхозу Мушку-телку,
и чтобы все пошло по толку,
чтоб удивляться с чего было —
купил буланую кобылу.
Предвидя все мудрейший Влас,
деньжат заранее припас:

прикупит сена и овса...
Телегу смастерит он сам.

Вернулась с пастбища корова,
встречать ее бежит хозяйка —
седая дама, баба Райка.
Хоть не совсем была здорова,
но тут же подоила Милку,
затем сопровождала в хлев.
— Не Мушку вижу, а кобылку!..—
корову взбаламутил гнев. —
Откуда тут такая кляча?..
Ты — побирушка, не иначе, —
решила Милка поостыв,
свой гнев на милость заменив. —
Ты что жуешь там?.. Не молчи!
Что ж, подберу к тебе ключи...

— Хозяин смастерил мне стойло,
назвав отсек этот конюшней —
все то, что мне как раз и нужно.
Прошу вести себя пристойно!
Я далеко еще не кляча,
и для хозяина — удача!
Могу бежать во всю галопом,
с галопа — перейти в карьер...

Дам фору быстрым антилопам,
олению покажу пример!

Хозяин слушал диалог
и удержать себя не смог:
— Вы мне сейчас, как хлеб нужны,
незаменимы и важны.
Без вас мне не разбогатеть,
рублем на рынку не вертеть...
А с вами я — сверну хребтину
любому жулику-кретину.
Вот заведу еще овец —
и буду счастлив наконец!

4. 10. 2002

ПЕС ТРИЗОР И КОЗА КОРГОТА

Тризор — дворняга от рождения,
живет на даче много лет.
Встречает с радостью рассвет...
Он сторожит свои владения.
В компании собак и суки
Тризор всю ночь гулял на даче,
познав свои собачьи муки
в борьбе з плотские удачи.

Лежал Тризор довольный долей,
как победитель блиц-турнира,
желал все псам добра и мира,
пахучей косточки и воли.
Учуяв едкий козий запах,
узрел соседку в огороде.
Он в три прыжка на сильных лапах,
как вихрь, подлетел к Корготе
да и хватил ее за ляжку,
рванув в азарте на себя;
рыча, как куклу, теребя,
вгоняя в шок козу-бедняжку.

Коза пыталась встать на ноги,
чтобы поддеть рвача на роги,
затем порнуть его в живот —
он тьякнет и раскроет рот...
Но осознав, что жизнь в опасности:
за грех платить придется шкурой,
упругим выменем, фигурой —
взмолилась с неподдельной лаской:
— Мой самый добрый, удалой,
мудрейший средь дворняг, овчарок,
оставь кочан мне, как подарок,
и отпусти меня живой!..—

Тризор был очарован речью
и тут же челюсти разжал.
Стыдясь проступка, убежал:
хвала — убойнее картечи.
— Разбойник ты и террорист! —
услышал он животный крик. —
Я вырву с корнем твой язык
и разорву, как желтый лист.
Ветврач составит документ,
что я беременна вторично;
пойду в прокуратуру лично —
не упущу такой момент!
Я судмедэксперта заставлю,
чтоб акт составил о побоях.
Я не прощу тебе разбоя:
в тюрьму сегодня же отправлю!

С чужой капусты — щи с горчинкой,
как торт с перцовой начинкой.

30. 8. 2002

КОРОВА И СОБАКА

Коров колхоза «В.И. Ленин»
пасут два пастуха и пес.
Так привилось, что пес Фулёс
спасает пастухов от лени.

Нехватка пастбищ, летний зной
коров лишили сочной травки.
В безумной скучености, давке
буренки ищут рай земной.

Вот краснопестрая голландка,
увидев впереди ячмень,
закинув роги набекрень,
рванула с места так, нахалка,
что аж Фулёс был удивлен
и, пастухов услышав мат,
немедле подхватился он
и полетел на перехват.

Корова вскинула свой хвост:
«Будь проклят этот наш колхоз
и эта черная собака!..
Ну что ж, хотите — будет драка!»

— Ты по какому это праву
наносишь обществу потраву? —
спросил со злобой пес Фулёс. —
Куда суешь свой мокрый нос?
Ведь это фермерово лядо
и трогать нам его не надо.

— Ты что?.. С мозгами не в порядке?! —
и затряслась, как в лихорадке,
голландка — и пошла кружить,
чтобы копытом угодить
как раз в лобатину Фулёсу. —
Ох и задам тебе я чесу!

— Я презираю беспредел
и отвечаю за потраву:
служу я пастухам по праву,
а потому — и нагл, и смел.
С ячменя выгоню нахалку,
а нет — возмет хозяин палку
и так отхлещет по бокам,
что не нужна станешь быкам.

Корова любит травку, ласку,
а тут — угрозы сулят встряску;
конечно, он — серьезный пес,
этот увертливый Фулёс.
Голландка, мыкнув, убежала...
Она и черта бы сожрала —
колхозная никак коровка:
хоть молока дает немало,
но измотала голодовка.

7. 9. 2002

КОШКА МУРЛЫКА И КОТ МУРТИМ

Муртим — охотник по натуре,
работал в качестве завхоза.
Он стал «находкой» для совхоза:
домашний барс в овечьей шкуре.
На самом крае деревушки
«на сбереженную» зарплату
построил кот большую хату
и ждал хозяйюшки-подружки.

В любвеобильном, томном марте
с Мурлитой встретился Муртим.
Он был влюблен и стал любим,
и свадьбу справили в азарте.
Родилась троица котят
простой породы, разной масти...
Пришла пора умерить страсти —
ведь годы к старости летят.
Исправный кот «ловил мышей»
и приносил домой получку.
Он целовал Мурлите ручку
и ждал огромных барышей.
Запчасти, топливо и туки,
что выделялись для совхоза,
по воле вора-виртуоза
шли за межу, в чужие руки.

Чтоб бизнес расцвёл, как розы,
с главбухом кот делил навар.
Но Немезиды вещей дар
привел их в чувство без гипноза.
Суд, применив все нормы права,
лишил их временно свободы:
дельцам и нравственным уродам
пришлось познать закон державы.

Мурлита шила и стирала,
вязала кофты и жакеты.
Все дни летала, как ракета:
бюджет семейный пополняла.
Ей детский фонд и райсобес
отдали все, что детям нужно,
чтоб жили счастливо и дружно,
храня к наукам интерес.
Растут котята очень скоро —
как ветки южного бамбука.
Их воспитать, казалось, мукой,
чтоб стали в старости опорой...
Уж в академиях блистают
два котика — Пион и Ворон.
Люсика стала режиссером —
умы сограждан просветляет.

Так счастье с горем вперемежку
пришлось носить в душе Мурлите:

два сыны, дочь — почти в элите,
лишь муж Муртим — судьбы насмешка.

Семья — богатство государства,
но жизнь — не праздная забава...
Иметь семью — наш долг и право;
с детьми и внуками — мытарства.

24. 10. 2002

ИНДЮК БУЛЬДИН И ГУСИ

На берегу реки Дануси
стоит деревня Ивняки,
где прижились индюки,
но ценность составляют гуси.

Любитель танцев и пирушек,
несостоявшийся спортсмен
индюк Бульдин, как бизнесмен,
любил приют чужих индюшек.
Проживши капитал отца,
решил поймать за хвост «теляца».
Он заказал проект плотины
и «птичьей» стройку объявил,
но сам себя перемудрил:
остался гол, как Буратино.

Придумав веские словечки,
Бульдин пришел на берег речки,
где гусяти мирно, беззаботно,
довольно быстро и охотно
щипали травку, как всегда...
Бульдин сказал им:

— Господа!

Я здесь хочу построить ГЭС —
вода затопит луг и лес.
Здесь будут яхты, корабли,
каких не видела Европа...
Ни Одиссей, ни Пенелопа
приснить такого не могли!

— Кто деньги даст тебе на стройку?
Нашел хотя бы на попойку...
Ведь ты отцовский капитал,
как мелкий шулер, промотал:
часть — в казино, часть — в ресторанах...
Теперь забудь о дерзких планах.
Учти — твоя уж песня спета!.. —
сказала гуска Виолета.

— Мне деньги спонсоры дадут,
когда увидят ширь, размах...
Просвет появится в умах —
и все к консенсусу придут.

Вперед шагнула гуска Мелка —
вступила смело в «перестрелку»:
— Ты посмотри на свой костюм!..
В нем пас свиной твой лучший кум,
теперь — ссудил его тебе,
чтоб продувало при ходьбе.

— Я свой костюм отдам в починку, —
Бульдин ответил, не краснея. —
Я все могу и все умею!..
Тебе я так «поглажу» спинку,
что непосилен станет труд —
забудешь на реку и пруд.

Спросила гуска Белозора:
— А как же нам вольготно жить —
резвиться-плавать и любить?..
Мы заключаем тебя, как вора!

— Заставлю всех месить бетон! —
Бульдин напыжился — подросток,
и позу принял, будто он
в семье гусиной — главный босс! —
Я вас могу купить, продать...
И на убой могу загнать!

— Тебя пора уже лечить, —
сказал гусак Родон с тоской. —

А можно — по башке доской,
чтоб не совал индюший нос
в несуществующий вопрос.

— Его не грех бы помочить, —
загототали дружно гуси. —
Уж слишком много в Беларуси
самонадеянных глупцов —
хапуг, урвителей-купцов.

— Скупнем его — и кончим спор, —
сказал решительно Родон. —
На дно уйдет он, как топор...

— Пардон, любезные, пардон! —
Бульдин хотел было бежать,
но было поздно отступить:
гуси накинулись — и сходу
нахала затащили в воду...

Крича во все индюшье горло,
барахтался Бульдин не долго:
были и бурбалки, и круг —
и стало тихо все вокруг.

Лауреаты и спортсмены,
и разных рангов бизнесмены
нужны цветущей Беларуси,
как хлеб, как газ, как куры, гуси...

Побольше спонсоров надежных —
взамен на бизнесменов ложных!

19. 9. 2002

ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ БАРАН

Баран Мастак — бухгалтер главный —
служил на фирме тестя-босса.
Барашек наглый, но забавный —
решал все нахрапом вопросы.
Он был для тещи нежным зятем.
Надежным мужем и отцом.
Из шкур кроил для женщин платья,
и не считал себя глупцом.
Он тестя почитал, как Бога,
и клялся в верности не раз.
Но мыслил тестю рока злого
и даже — хрена в левый глаз.
Он в стиле готики построил
котедж своей семье во славу,
оформил все и все устроил —
свой род в орнаменте прославил.

Когда по просьбе тестя-босса
ему наручники надели,
он все стерпел — хулу, доносы...
И молвил: — Виноват Растрелли!

5. 9. 2002

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

МЕЧТА	6
ПЕСНИ ЛЮБИМОЙ... ..	7
Я НАЙДУ ТЕБЯ!	7
ЗАГАДКА ЛЕСА	9
СУДЬБА	10
* * * <i>Уж так судьба распорядилась...</i>	11
ДВЕ ВИШНИ	11
* * * <i>Цветы — всегда желанный праздник...</i>	12
* * * <i>Ты круглых дат, как манны, ждешь...</i>	13
ПРИХОДИ... ..	13
* * * <i>Желаю я тебе сердечно...</i>	14
* * * <i>Во саду за хатой...</i>	15
РАЗМЫШЛЕНИЯ	16
ЖЕНЬКА	16
ВETERАН	18
ОГОРОД	19
СИЛА ВОЛИ	20
РОДИТЕЛИ	21
* * * <i>Нам не хватало пищи и одежды...</i>	21
НАЛЕЙ-КА... ..	22
СТРАЖИ ЗДОРОВЬЯ	22
ПУСТОБОРЫ	25
СТАНУ, КЕМ ХОЧЕШЬ... ..	27
* * * <i>Ты прижмись своей грудью упруго...</i>	28
ШУТКА	29
ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ	30

ПЕВЕЦ	31
НА ТИХОЙ ОХОТЕ	32
К ЛЮБИМОЙ	33
* * * <i>Обниму до хруста гибкий стан</i>	34
* * * <i>С дня крещения я — победитель</i>	35

БЫЛИ

БРИН	38
ЕВДОКИЯ	49
* * * <i>Софии славлю я отца</i>	49
* * * <i>Судьба Дуняшина трагична</i>	49
ЛИДИЯ	54

СКАЗКА

БЕРЕЗКИНА ТАЙНА	60
-----------------------	----

БАСНИ

ШМЕЛЬ, ЖУК И КУРОПАТКА	73
ПЕТУХ, КУРЫ И СВИНЬЯ	76
СКВОРЕЦ И ГОЛУБЬ	79
КОРОВА И КОБЫЛА	80
ПЕС ТРИЗОР И КОЗА КОРГОТА	82
КОРОВА И СОБАКА	84
КОШКА МУРЛЫКА И КОТ МУРТИМ	87
ИНДЮК БУЛЬДИН И ГУСИ	89
ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ БАРАН	93

Литературно-художественное издание

Чурило Виктор Максимович
Отчий родник
Стихи, были, басни

Редактор А. Масаренко

Корректор Н. Рожкова

Компьютерный набор и верстка Д. Андреев

Ответственный за выпуск А. Аношко